

**ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФОРУМ**

Алексей Исаев,
Михаил Смирнов,
Евгений Дриг,
Владислав Гончаров,
Иван Кошкин

Танковый прорыв

**Советские танки
в боях 1937–1942 гг.**

Владислав Гончаров

**Танковый прорыв. Советские
танки в боях 1937—1942 гг.**

«Точинов Виктор»

2007

Гончаров В. Л.

Танковый прорыв. Советские танки в боях 1937—1942 гг. /
В. Л. Гончаров — «Точинов Виктор», 2007

Великий Советский Союз состоялся как танковая держава. Именно в СССР был создан лучший танк Второй Мировой войны. Именно здесь родилась теория глубокой операции – опирающегося на танки механизированного наступления вглубь обороны противника. Именно в Советской России в начале 30-х годов прошлого века появились первые бронетанковые соединения, предназначенные не для усиления пехоты, а для самостоятельных действий, что превращало танк из тактического средства – в стратегический, определяющий фактор современной войны. Недаром главным символом советской военной мощи стали наши ИСы и «тридцатьчетверки», победно попирающие гусеницами берлинские мостовые... В этой книге собраны лучшие работы ведущих современных авторов, посвященные истории развития и боевого применения советских танков – от первых танковых боев в Испании до грандиозных сражений под Москвой и на Курской дуге, от катастрофы 1941 года до Дня Победы.

© Гончаров В. Л., 2007
© Точинов Виктор, 2007

Содержание

От составителя	5
Алексей Мастерков	7
Конец ознакомительного фрагмента.	26

А. Исаев, В. Гончаров, Е. Дриг, И. Кошкин, А. Мастерков, М. Свирин

Танковый удар: Советские танки в боях: 1942–1943 гг

От составителя

Советская Россия стала шестой страной мира, начавшей постройку собственных танков – в конце 1920 года, с первых образцов машины «Русский Рено». Однако в бою танки были применены Красной армией еще раньше – 26 июня 1919 года возле Новомосковска у железнодорожного моста через реку Самару впервые вступил в бой танковый отряд Автоброневого дивизиона особого назначения при СНК Украины, сформированный из машин «Рено» FT-17, захваченных у французов под Одессой в марте того же года.

Именно в Советском Союзе родилась теория глубокой операции – опирающегося на танки механизированного наступления вглубь обороны противника, именно здесь в начале 30-х годов были созданы первые бронетанковые соединения, предназначенные не для усиления пехоты, а для самостоятельных действий. Наконец, именно советские танки с советскими командирами приняли участие в первых танковых боях после окончания Первой мировой войны – это произошло в 1936–1937 годах в Испании.

Однако столкновение со столь опытным противником, каким являлась нацистская Германия, показало, что одного количества танков и их табличных технических характеристик недостаточно для достижения успеха. Выяснилось, что в реальном бою гораздо большую роль играет «технология войны» – качество техники, организация снабжения и ремонта, налаженная связь между подразделениями. А главное – поддержка танков полностью моторизованной пехотой, способной не только закрепить достигнутый успех, но и самостоятельно отразить неизбежное вражеское контрнаступление.

Тяжелый урок 1941 года серьезно повлиял на дальнейшее развитие советских механизированных войск. Германский танковый генерал Ф. Меллентин со злорадством писал: «Русские создали такой инструмент, играть на котором они не научатся никогда». Действительно, на какое-то время советские танковые войска оказались отброшены в своем развитии назад – в качестве орудия глубокой операции они были заменены кавалерией, сами превратившись всего лишь в средство усиления пехотных частей, орудие прорыва обороны, но не наступления. Даже вновь созданные летом 1942 года танковые корпуса и армии далеко не сразу смогли продемонстрировать свою мощь и свои возможности. Танковые корпуса вновь оказались перегружены танками, недогружены пехотой, артиллерией, инженерными и вспомогательными частями. Танковые армии имели в своем составе слишком различные по боевым качествам войска (стрелковые дивизии, танковые и кавалерийские корпуса), чтобы добиться нужной слаженности их действий. В итоге по результатам летних операций (Ржев, Козельск, Воронеж) началось формирование новых бронетанковых соединений – механизированных корпусов, а также механизированных и мотострелковых бригад.

Фактически как средство глубокой операции советские бронетанковые войска впервые были успешно использованы только в контрнаступлении под Сталинградом и в зимнем наступлении 1943 года. В целом же вплоть до лета 1943 года шел поиск оптимальной структурной организации танковых соединений и объединений, а после Курской дуги происходила отработка тактики их применения.

Настоящий сборник посвящен развитию и боевому применению советских танковых войск на первом этапе их эволюции – с 1930-х годов по лето 1942 года. Безусловно, он не является цельным исследованием и поэтому не претендует на всеохватность – его авторы обрисовали лишь несколько эпизодов боевой работы наших танкистов. Однако уже по этим эпизодам восстанавливается достаточно полная картина боевого применения советских танков и результатов этого применения как на тактическом, так и на оперативном уровне.

В числе создателей сборника – как уже известные историки (Михаил Свирин, Алексей Исаев, Евгений Дриг), так и авторы, читателю практически неизвестные, для некоторых из них настоящая публикация является едва ли не первой. Тем не менее объединяет их одно – непринадлежность к «официальной» военной науке, не-связанность существующими идеологическими штампами, отсутствие стремления кого-то разоблачать, обличать и развенчивать.

Описания боевых операций, сделанные на основе широкого использования как отечественных архивных материалов, так и зарубежных публикаций, органично дополняются справочными и аналитическими материалами, а также документами и извлечениями из «закрытых» публикаций времен войны и послевоенного периода. В дальнейшем мы предполагаем продолжить подготовку новых межавторских сборников, посвященных как советским танковым войскам, так и Великой Отечественной войне в целом – армии, авиации и флоту, боевым и специальным операциям, тайнам и мифам.

Главная цель сборников – не разоблачить, заклеить, обвинить, но и не в том, чтобы очистить мундир, отстоять, оправдать. Цель – выяснить и показать, как оно было в действительности, и если не отыскать истину, тот хотя бы немного приблизиться к ней. Но в этих поисках не следует забывать, что все-таки советские войска пришли в Берлин, а не германские – в Москву.

Редакция благодарит участников военно-исторического интернет-форума «ВИФ-2НЕ» (<http://www.vif2ne.ru>), а также интернет-сайты «РККА. 1918–1945» (<http://www.rkka.ru>) и «Механизированные корпуса РККА» (<http://mechcorps.rkka.ru>) за помощь в подготовке этого сборника.

Алексей Мастерков Харама, 1937 Первое сражение советских танков

*There's a valley in Spain called Jarama,
It's a place that we all know so well.
For 'tis there that we wasted our manhood,
And most of our old age as well.
Есть в Испании долина Харамы
Те места хорошо знаем мы;
Там мы с мужеством нашим простились,
Там года схоронили свои...*

Чарльз Донелли – ирландский поэт, погибший в боях на Хараме

*Посвящается Алексею Николаю, Билибину Кузьме Григорьевичу,
Заусейнову Ивану, Корсунову Петру, Косогову Николаю, Куцосу Павлу,
Куцую Павлу, Могиле Владимиру, Серову Ивану, Склезневу Георгию,
Филатову Леониду, Цаплицу Павлу, Черненко Константино и многим
другим – с благодарностью и почтением.*

Данная работа посвящена одному из самых кровопролитных сражений битвы за Мадрид (1936–1937 годы) – Харамской операции. Статья не претендует на полное описание такой длительной и сложной операции, каким было сражение при реке Хараме, продолжавшееся с 6 по 30 февраля 1937 года. Вряд ли возможно в одной статье полностью раскрыть и действия советских советников. Цель этой работы значительно скромнее – показать, что дальнейший углубленный анализ тактических эпизодов позволит многое понять в военной истории как межвоенного периода, так и Второй Мировой войны.

Анализ тактического опыта Испанской войны в целом и Харамской операции в частности представлял значительный интерес для современников в связи с тем, что это был первый крупный военный конфликт в Европе после Первой мировой войны. Ощущая неизбежность скорого крупномасштабного конфликта, военные всех стран стремились понять законы и правила будущей войны.

Приобретение нужной информации сталкивалось с рядом сложностей. Воюющие стороны стремились скрывать накопленные данные от других. Информация часто поступала с фронтов через вторые и третьи руки. На создании неполной и во многом мифологизированной картины сказалось и стремление сторон скрыть свои промахи и ошибки, а также искренняя, но неверная оценка происходящих событий очевидцами. Как следствие, в литературу того периода закрадывались многочисленные ошибки. Как пример стоит привести упоминаемые в ряде работ того времени свидетельства о применении республиканскими войсками советских средних танков Т-28.¹

Приятное исключение из этого правила представляют собой выпущенные для служебного пользования советские монографии по испанской войне. Наибольшую ценность для характеристики действия советских танков в Харамской операции имеет коллективная моно-

¹ Г. Клотц, Уроки гражданской войны в Испании. М.: Воениздат 1938. С. 39–40. Вообще информация об использовании в Испании танков Т-28 всплывает иногда самым невероятным образом. Так в очень неплохой монографии «Stalin and the Spanish Civil War», написанной Даниэлем Ковальским (Daniel Kowalsky), несколько компилятивная, но вполне трезвая глава, посвященная советским танкам, дважды иллюстрируется photographиями парада на Красной Площади, на которых изображены Т-28.

графия «Гражданская война в Испании. Действия на Центральном фронте»² и книга «Некоторые оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании» С. И. Любарского.³ В этих работах в целом правильно передается основной ход событий – так, как он виделся из штабов уровня бригады или фронта. Однако они страдают стремлением к упрощению картины и объединению нескольких эпизодов в один. Так, у С. И. Любарского разбираемые ниже столкновения у Арганды и высоты Похарес 11–12 февраля объединены в один бой, и хотя ход их передан верно, но потери суммированы. То же можно сказать и о действиях 14 февраля.⁴ Для описания операции в целом часто не важно, в сколько этапов проходила та или иная атака, но для описания рисунка боя эти подробности необходимы. По понятным соображениям в этих работах отсутствует «кухня» принятия тех или иных решений.

После Второй мировой войны интерес к анализу боевых операций в Испании отступил на второй план. В большинстве работ ныне анализируется политическая и дипломатическая составляющая конфликта. При этом уровень описания боев снизился. Они потеряли самостоятельное значение и служат аргументацией для доказательств того или иного политического тезиса. Кроме того, основное внимание в описаниях отныне уделялось характеристике действий представителей той нации, к которой относится автор монографии. Так, в работе Хью Томаса весьма неточное описание боев перемежается рассказом о деятельности англосаксов в интернациональных бригадах.⁵ В очень интересной книге Леха Вышельского акцент делается на деятельности польских добровольцев.⁶

В 1960–1980-е годы начинает издаваться большое количество мемуарной литературы.⁷ Она дает чрезвычайно ценную информацию как для общего описания событий, так и для показа очень ярких моментов, характеризующих бои. Однако подобная литература может использоваться для анализа конкретных боестолкновений только при проверке их архивными и иными источниками.

В научной литературе делаются попытки соотнести участие советских танкистов в Великой Отечественной войне с их испанским опытом. Однако большинство таких работ рассматривает последний без анализа, как нечто очевидное, с определенным набором штампов, как то: «советские танкисты окончательно убедились в необходимости создания нового танка, способного бороться с ПТО»; «тактические выводы сделаны не были или были сделаны неправильно». При всей убедительности многих подобных рассуждений и сделанных на их основе широких обобщений совершенно не ясно, на каком материале они основаны. Создается впечатление, что для большинства историков испанский опыт наших военных неинтересен и вторичен по отношению к последовавшим событиям.

Пожалуй, самой интересной в этой серии работ можно считать статью американского исследователя Стивена Залогги.⁸ В ней автор постарался выяснить, как соотносился тактический опыт, вынесенный советскими специалистами из Испании, и то положение, в котором они

² Гражданская война в Испании. Действия на Центральном фронте (октябрь 1936 – апрель 1937 года). М., 1937. В 2006 году работа переиздана в сборнике «Гвадалахара», выпущенном Санкт-Петербургским университетом. В дальнейшем ссылки даются на это издание.

³ С. И. Любарский. Некоторые оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании. М., 1939.

⁴ С. И. Любарский. Некоторые оперативно-тактические... С. 20–21.

⁵ Х. Томас. Гражданская война в Испании. 1931–1939. М., 2003.

⁶ Л. Вышельский. Мадрид 1936–1937 гг. М., 2003.

⁷ Мы – интернационалисты. Воспоминания советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании. М., 1986; Ленинградцы в Испании. Л., 1989; Вместе с патриотами Испании: Воспоминания участников национально-революционной войны в Испании. Киев, 1986; Евгений Воробьев, Дмитрий Кочетков. Я не боюсь не быть. Документальная повесть о Герое Советского Союза Поле Армане. М., 1983; Э. Листер. Наша война (Из истории национальной войны испанского народа 1936–1939. М., 1969; Н. Н. Воронов. На службе военной. М., 1963; А. И. Родимцев. Под небом Испании. М., 1985.

⁸ Steven Y. Zaloga. Soviet Tank Operations in the Spanish Civil War // Journal of Slavic Military Studies 12:3 (Sep. 1999). P. 134–162.

оказались к началу Великой Отечественной войны. При всей любознательности высказанных автором мыслей в работе рассматривается только один эпизод – боестолкновение у города Сесенья 29 октября 1936 года.⁹ Из работы видно, что автор хорошо знает основную канву событий, однако нехватка данных по конкретным боям часто приводит его к неверным и поверхностным выводам, заставляет додумывать отсутствующие у него данные.

Такое положение, сложившееся в историографии, тем более огорчительно, что именно тактический опыт наших танкистов в Испании может быть изучен с максимальной глубиной и полнотой. Отложившиеся в РГВА в фонде ГАБТУ материалы¹⁰ содержат не только отчеты штабов разного уровня, но и, что уникально, отчеты непосредственных участников боя: механиков, командиров танков и башен. В некоторых случаях имеется описание одного боя, данное разными членами одного экипажа.

В свое время А. А. Свечин писал о «безмолвном фронте»,¹¹ имея в виду невозможность проанализировать реальный боевой опыт, который обычно не учитывается. На сохранившихся материалах можно постараться заставить фронт заговорить. Одна статья вряд ли дает возможность для полного и подробного анализа. Автору хотелось, с одной стороны, заинтересовать имеющимися материалами других исследователей, а с другой – отдать долг памяти тем нашим военным, которые воевали на этой ныне почти забытой у нас войне.

При описании проблем, которые вставали перед советскими танкистами в Испании, одной из основных указывается высокий уровень потерь в личном составе и материальной части.¹² Американский историк Стивен Залога считает, что высокие потери советских танкистов в боях за Мадрид во многом объясняются неорганизованностью ремонтного и тылового обслуживания и чрезвычайно низким уровнем подготовки испанских танкистов, перемешанных с советскими экипажами.¹³ При всей соблазнительности и внешней очевидности этой точки зрения имеющиеся материалы не позволяют с ней согласиться. Так как мнение Залоги авторитетно и неоднократно цитируется в литературе, рассмотрим организацию подготовки танкистов и тыла в русской танковой группировке в Испании. Сведения об организации учебного подразделения и тыловой службы взяты из докладной записки Д. Г. Павлова в Москву¹⁴ и материалов учебной школы в Арчене.¹⁵

Первым объектом, созданным русскими танковыми советниками в Испании, была танковая школа близ городка Арчена, в нескольких десятках километрах от порта Картахены. Ее организация оговаривалась в советско-испанском контракте. По нему миссия советников ограничивалась подготовкой экипажей для проданных танков. Изначально никакое участие в боях не предполагалось.¹⁶ Первая группа танкистов во главе с С. М. Кривошеиным¹⁷ успела орга-

⁹ Большинство авторов останавливаются на этом бое, потому что это был дебют советских танков в Испании. Уровень мифотворчества вокруг этого эпизода чрезвычайно велик. Каждый новый автор описывает произошедшее совершенно по-своему. Нет совпадений ни в одном эпизоде.

¹⁰ РГВА, ф. 31811, оп. 2, дд. 711–720.

¹¹ А. А. Свечин. Безмолвный фронт // А. А. Свечин. Искусство вождения полка. М., 2005. С. 423–443.

¹² Daniel Kowalsky. Stalin and the Spanish Civil War. 2006.

¹³ Steven Y. Zaloga. Soviet Tank Operations... P. 134.

¹⁴ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 713, л. 17–32.

¹⁵ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 712, л. 1–60.

¹⁶ Аналогичным было задание немецких танкистов из группы «Drohne», которые готовили кадры для танковых сил Франко.

¹⁷ Кривошеин Семен Моисеевич. С 1936 г. – полковник, с 1937 – комбриг, с 4.06.40 – генерал-майор, затем генерал-лейтенант танковых войск, герой Советского Союза. Родился 28.11.1899 в Воронеже. В РККА с 1918 г. Участник гражданской войны. С 07.1918 – боец 107-го пехотного полка. С 05.19 г. – красноармеец 12-го кавалерийского полка 12-й стрелковой дивизии. С 11.1919 военком эскадрона 34-го кавалерийского полка 6-й кавалерийской дивизии. С 04.1920 врем. военком и военком 31, 33, 34-го кавалерийских полков. С 09.1920 врем. военком 2-й кавалерийской бригады 6-й кавдивизии. С 11. 1920 инструктор политотдела 6-й кавдивизии. С 01.1921 заведующий разведкой 2-й кавбригады. С 07.1921 – для поручений в 1-й кавбригаде. С 05.1922 командир взвода, с 01.1923 командир эскадрона 32-го кавалерийского полка. С 10.1923 командир

низовать только краткосрочные курсы. Стартовые условия для создания школы были чрезвычайно плохими. В параллель с началом учебного процесса приходилось проводить подготовку учебных классов, полигонов, складов с горючим и боеприпасами. Не хватало учебных пособий (они были, естественно, только на русском языке). Советские специалисты совершенно не понимали испанского языка, а переводчицам не хватало технических знаний для того, чтобы переводить адекватно специальные термины. Поэтому объяснение механизма танка и мотора проходило непосредственно на полигоне и в парке, в большей степени жестами. Занятия по тактике вели два русских специалиста, владеющих французским языком – начальник группы С. М. Кривошеин (владел французским плохо) и Поль Арман¹⁸ (владел французским хорошо). После их отъезда на фронт занятия некоторое время велись предельно поверхностно, для проформы.

Самой большой проблемой подготовки на курсах была нехватка времени. Первоначально предполагалось, что период подготовки займет как минимум месяц, что само по себе уже недостаточно. Кроме того, наши советники не имели опыта разработки таких коротких курсов. Приходилось импровизировать. Положение на фронте в середине октября 1936 года стало настолько критическим, что для спасения Мадрида возникла острая необходимость бросить в бой все имеющиеся танковые экипажи. Поэтому первый выпуск танкистов-испанцев (правда, подготовленных для эксплуатации броневинов) был отправлен из школы уже через неделю.¹⁹ А через две недели со следующим выпуском уехали на фронт и советские специалисты. Тем не менее процесс подготовки и обучения в школе не прерывался ни на один день.

Несмотря на сложности, многое было сделано за счет энтузиазма наших советников. Испанцы уже через неделю садились в танк и броневинов, механики могли его вести по дороге. Командир танка и командир башни представляли, как технически устроено вооружение, участвовали в его ремонте, стреляли из пушки и пулемета, причем достаточно много (каждый день по несколько раз). Давались основы тактической подготовки. Дальнейшие действия отряда броневинов в Харамской операции продемонстрировали достаточно высокий уровень грамотности экипажей. Испанские танкисты, хотя и уступали русским советникам в мастерстве,

эскадрона 27-го кавалерийского полка 5-й кавдивизии. В 1926 г. окончил курсы командного состава в Новочеркасске. До 09.1928 продолжает командовать эскадрой, а затем слушатель ВАФ. В 1931 г. окончил академию. С 05.1931 начальник штаба 7-го механизированного полка 7-й кавалерийской дивизии. С 02.1933 помощник начальника 1-го отдела УММ РККА. Командир 6-го мехполка 6-й кавалерийской дивизии (05.1934–21.07.1937). С 21.07.37 командир 8-й механизированной (29-й легкотанковой) бригады. Участник освобождения Западной Белоруссии в сентябре-октябре 1939 г. и советско-финляндской войны. Командир 15-й моторизованной дивизии (9.05.1940–4.06. 1940). Командир 2-й танковой дивизии 3-го механизированного корпуса (4.06.1940–4.12.1940). Начальник АБТУ ПриОВО (4.12.1940–11.03.1941). С апреля 1941 г. командир 25-го механизированного корпуса. С 10.10.1941 начальник управления боевой подготовки ГАБТУ РККА. С 02.1943 командир 3-го механизированного корпуса (впоследствии 8-го гвардейского). После ранения 10 февраля 1944 г. назначен командиром 1-го Красноградского механизированного корпуса. В этой должности до конца войны. С 07.1945 командир 1-й механизированной дивизии группы СОВГ. С 29.07.1946 начальник кафедры тактики ВАФ. С 14.03.1950 командующий БТиМВ ОдВО. 22.12.1951 отстранен от должности. С 02.1952 слушатель ВАК при ВВА Ворошилова. 4.05.1953 уволен в запас. Автор книг: «Сквозь бури», «Междубурье», «Чонгарцы», «Ратная быль». Умер 16.09.1978, похоронен в Москве. Информация взята с сайта <http://mechcorps.rkka.ru>.

¹⁸ Парийный псевдоним латышского революционера и советского танкиста Пауля Тылтыня. Арман (Тылтынь) Поль Матисович – капитан, с 1937 г. – майор, с 05.1941. – полковник. С июля 1926 по сентябрь 1928 г. учился в Московском пехотном училище. До октября 1930 г. – командир взвода 59-го сп ЛВО. Затем переведен в МВО командиром разведвзвода первой опытной мехбригады. В мае 1931 г. переведен в ЗакВО командиром автобронебригады. С декабря 1932 г. командир батальона в 5-й мбр в Борисове. С весны 1935 г. на аналогичной должности в 4-й мбр. Заслужил звание Героя Советского Союза (31.12.36). Арестован 2.02.1937 (?) по обвинению в шпионаже, дело прекращено 21.06.1939. С 09.1939 – слушатель Военной Академии им. Фрунзе. Окончив в мае 1941 г. академию, получил назначение в 51-ю тд (110-ю тд) заместителем командира. Командир 11-й тбр, подвижной группы 20-й армии, в декабре 1942 г. временно командовал 6-м танковым корпусом, с 12 марта 1943 г. – командующий БТиМВ 4-й армии Волховского фронта, с 6.08.1943 (по другим данным – с мая) командир 122-й тбр. Погиб 7.08.1943 у деревни Вороново, поднимая залегшую пехоту 165-й стрелковой дивизии. Информация взята с сайта <http://mechcorps.rkka.ru>.

¹⁹ Е. З. Воробьев, Д. И. Кочетков. Я не боюсь не быть: Докум. повесть о герое советского Советского Союза Поле Армане. М.: Политиздат, 1983. С. 54–55.

вполне квалифицированно могли вести боевые действия, проявляя дисциплину, тактическую и военную смекалку.²⁰

После отъезда первой группы советских специалистов фактическое восстановление школы и ее правильная организация начались только при приезде в Испанию второй группы советников во главе с Д. Г. Павловым, который сразу же развил кипучую деятельность. Танковая школа была расширена в объеме, созданы две роты для подготовки механиков водителей (150 человек), две роты для подготовки командиров танков (100 человек) и две роты для подготовки командиров башен (100 человек). Кроме этого, организовывалось мотоциклетная рота, сохранялся батальон по подготовке экипажей броневиков. Срок подготовки был оставлен прежним – 30 дней, но так как непосредственная опасность для Мадрида миновала, он хотя бы больше не сокращался. Учеба была чрезвычайно интенсивная. Продолжительность занятий составляла 10 часов в сутки, возрастая к окончанию школы до 14 часов.²¹ *«С самого начала в школе только учатся, не отвлекаясь ни на работы, ни на наряды. Для несения караулов и нарядов была создана караульная рота численностью 150 человек и хозяйственная часть со всем штатом. Причем подавальщицами на кухне и на уборке помещений работали преимущественно женщины, зачисленные милиционерами».*²² Так как времени для написания инструкций и учебной литературы по-прежнему не было, подготовка шла только практическая – в парке и на полигоне.

Механиков-водителей обучали следующим дисциплинам: общее устройство танка, его ходовая часть, мотор, дополнительное оборудование, вождение. С первых дней механиков-водителей приучали к ремонту техники. На третий день начиналось вождение. Сначала водили на дороге и асфальтовом шоссе в одиночку. Затем задачи усложнялись: вводилось вождение на дороге в составе колонны, затем одиночное вождение по пересеченной местности. Отдельно обучали нахождению целей при движении, как по шоссе, так и по пересеченной местности.²³ Так как в Т-26 лучший обзор был именно у механика-водителя, то на него возлагалась роль не только непосредственно водителя, но и наблюдающего за врагом. Школе было передано 8 новых танков, к каждому из которых полагался запасной мотор. *«За поломку или аварию не наказывали. А всякий случай детально разбирали с указанием причины, к чему это приведет в бою – смерть экипажа. [...] Не надо наказывать за аварии и поломки, потому что вырабатывается смелость управления машиной. Для того, чтобы привить веру в себя и машину и вырабатывать храбрость водителя, не имеющего чувства озлобления».*²⁴ Лозунг, под которым шло обучение механиков: *«Прививать смелость в вождении, доводя вождение до виртуозности, не жалеть моторесурсы и дозаправку на подготовку запасников».*²⁵ Обучение на пальцах облегчалось тем, что в механики-водители зачислялись только водители со стажем от 3 до 10 лет вождения, которые имели права первого и второго класса. Менее опытных механиков переводили в мотористы. Это служило дополнительным стимулом к более качественному обучению.

Командиров танка и командиров башни обучали по примерно одинаковой схеме. Наиболее толковых отбирали в командиры танка, менее толковых – в командиры башни. Стреляли

²⁰ Пример – действия испанских экипажей в первой фазе Гвадалахарской операции. Командир танкового взвода Эрнесто Феррер 10 марта 1937 года подбил сначала четыре итальянские танкетки, а потом, обнаружив 20 танкеток, заправляющиеся ГСМ, уничтожил как танкетки, так и заправку с горючим. Продвигаясь дальше, он уничтожил 15 грузовиков, и, налетев на не успевшее опомниться противотанковое орудие, уничтожил и его. См. П. И. Самойлов. Гвадалахара. М.: Воениздат, 1940. С. 58–59. РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 714, л. 17.

²¹ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 714, л. 17.

²² Там же.

²³ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 712, л. 45.

²⁴ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 714, л. 18.

²⁵ Там же, л. 19.

с первого же дня подготовки. В ходе обучения подробно объяснялось устройство танкового оружия и механизмов прицела и заряжания. Особо отрабатывалось поведение в случае отказа вооружения и ранения кого-либо из членов экипажа. Стрельбы проводили отдельно из пушки, отдельно из пулемета – с места и с коротких остановок.²⁶ В поле обучались тактике и простейшим упражнениям в составе взвода. В конце курса отрабатывалось поведение экипажа в ночном бою. Здесь основной упор делался на разборку реальных ситуаций теми инструкторами, которые в том или ином бою принимали непосредственное участие. Вообще в школе была практика привлечения к преподаванию специалистов, проходивших лечение или отдых в санаториях или госпитале в городе Арчене.

Кроме специальных дисциплин, один час в день уделялся строевой подготовке, один час тратился на политическую информацию. В ней основной упор делался на разбор положений на фронтах, ходе операций. Таким образом, и политическую информацию во многом сводили к тактической учебе. Сведения с фронтов приходили не через прессу, а через аппарат советских советников. Кроме этого, старались повысить боевое братство и товарищество среди членов экипажа, равенство их между собой, развить чувство взаимопомощи. Этому в дальнейшем способствовала и оплата их труда. По решению Павлова все испанские танкисты получали одинаковое денежное довольствие и дополнительное питание, «потому что всему личному составу приходится работать до упаду, вне зависимости от того, какую должность он выполняет».²⁷

Танковые экипажи готовились с запасом. *«Школа готовила всегда запас экипажей для того, чтобы утомившихся в боях снимать с машин и передавать их более свежим экипажам, а уставших отправлять в учебный центр, в школу, где они отдыхали и были прекрасными учителями молодых. Резерв людского состава всегда был необходим и потому, что требовалось замещать убитых, раненых и больных»*.²⁸

Очень серьезной проблемой была комплектация школы учащимся составом. Дело в том, что фронт не хотел отправлять молодых и талантливых специалистов на обучение из своих частей – для того, чтобы они уже никогда не возвращались в родную часть. Специальной мобилизации испанским правительством объявлено не было. На первых порах большую часть учащихся составляли добровольцы, специально подавшие заявление в танковую школу.²⁹ Однако школа должна была гарантированно выпускать 300 специалистов в месяц. Поэтому добровольный набор заменили мобилизациями местного населения. Павлов договорился с местным губернатором-коммунистом, и он по партийной линии начал проводить мобилизацию в школу. Набиралось специалистов в два раза больше, чем требовалось. Из них проводился отбор, причем смотрели как на личные качества кандидатов, так и на их заинтересованность в работе танкиста. При этом *«каждому без прикрас рисовалась вся тягота службы. Всякий принятый коммунист предупреждался, что служба в танковых частях – это или смерть, или победа. Что придется иногда не спать по несколько ночей и атаковать по нескольку раз в день. Вместе с тем внушалось, что танки ведут республику к победе и что танки решают исход любого боя. Что в танковых частях строгий порядок и дисциплина, и всю дисциплину в танковых частях устанавливают начальники танковых войск. За неисполнение приказа танкового начальника лица будут привлекаться к ответственности как враги республики»*.³⁰

Результат такого набора можно признать двояким. С одной стороны, полностью снималась проблема кадров для школы и возникала возможность поддержания дисциплины в подразделениях партийными методами. Поддерживалась достаточно высокая степень созна-

²⁶ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 712, л. 45–47.

²⁷ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 714, л. 16.

²⁸ Там же.

²⁹ К сожалению, эти данные только косвенные, точной картины нет. См. Е. З. Воробьев, Д. И. Кочетков. Я не боюсь не быть... С. 52–54.

³⁰ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 714, л. 16.

тельности танкистов. С другой стороны, контроль коммунистической партии над одним из самых боеспособных подразделений приводил к возникновению трений внутри республиканской коалиции, боязни усиления роли коммунистов у социалистов и анархистов. Но при этом надо признать, что принятый Павловым способ мобилизации был единственным рациональным решением возникшей проблемы.

В заключение темы школы хочется заметить, что подготовка молодых специалистов не останавливалась при выпуске из школы. Большое внимание уделяли плавному введению в бой и срабатыванию экипажей на поле боя. На первом этапе выпускников распределяли между русскими экипажами. Это давало им возможность доучиться приемам реального боя.³¹ Только после двух-трех активных атак выжившие испанцы признавались обстрелянными и зачислялись в испанские танковые роты, на которые в ходе капании переносилась все большая нагрузка.

Таким образом, можно говорить о постепенном улучшении качества подготовки танкистов, основанном на достаточно рациональной и здоровой структуре школы. Имея большой опыт работы в советских учебных подразделениях, Павлов и другие постарались привнести в создаваемую школу их лучшие черты и в то же время не допустить тех недостатков, которые они видели на родине. Для них учебная школа в Арчене была шансом реализовать свой опыт с чистого листа.

Еще менее обоснованным выглядит мнение Стивена Залогги по поводу организации тыловой структуры танковой группировки. Понимая ее важность, советские специалисты постарались создать ее в первую очередь. Для этого они обладали хорошей основой – тыловой структурой испанской армии, и могли почти неограниченно черпать из последней профессиональные кадры для организации своего тыла. Была создана и постоянно развивалась система складов, промежуточных баз и транспортных подразделений, их связывающих. Возглавил тыловую службу полковник Поредас, бывший до этого начальником танковой школы в Арчене. Все наши специалисты отзывались о нем с величайшим уважением, говоря о его неутомимости, организаторских талантах и преданности делу республики.³² Здесь хочется процитировать докладную записку Д. Г. Павлова:

«Тыл работал следующим образом. Склады технические, горючего, огнеприпасов были в руках одного человека – испанца, и при нем наш советник Ушаков. Все было рассортировано, и всему имуществу велся ежедневный учет. Имея одного начальника, тем самым не создавалось ведомственной путаницы. Базы в Арчене и Мурсии имели задачу создать промежуточный склад Центрального фронта в Великаньяс под Мадридом. Сюда горючее и боеприпасы подавались по железной дороге, а потом подвозились на грузовиках. Технически главный склад питал склад в Алькале путем подвоза туда средств на машинах.

Главные склады снабжали все бронечастии южной армии. Они же питали Каталонию, если там работали танки. Промежуточный склад в Великаньяс питал непосредственно бригаду центрального фронта. Питание происходило через головной склад в Алькала, где постоянно находилось три комплекта боеприпасов и две заправки горючего. Кроме того, бригада имела по 4 боекомплекта. Подвоз из Алькала в Великаньяс производился автотранспортом. Иногда подвоз боеприпасов в бригаду происходил непосредственно из Великаньяс, если район боевых действий к промежуточному складу ближе, чем к Алькала. В этом случае на промежуточный склад дается указание удовлетворять заявки такой-то части. Промежуточный склад обо всех операциях и наличии запасов доносит ежедневно главному начальнику складов, который так же докладывается зам. комбригу полковнику Поредас. Последний делал заявки и следил за их выполнением у военного министра. Начальник тыла зам. комбрига полковник

³¹ Там же, л. 19.

³² РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 714, лл. 20–23. Е. З. Воробьев, Д. И. Кочетков. Я не боюсь не быть... С. 48.

Поредас имел гараж 25–40 машин ЗИС-5, 15 мотоциклов. У всех начальников складов были легковые машины. Промежуточный склад имел двух мотоциклистов для связи и лейтенантов для проверки складской работы по поручению начальника тыла. Все главные склады размещены в прекрасно оборудованных гротах в горах. Стенки гротов зацементированы железобетонными дверями. К ним проложены отличные пути подъезда. Вентиляция и освещение электрические. Допуск в склады осуществляется определенных лиц по специальному документу, которых охрана хорошо знает в лицо. Для охраны складов в районе учебного центра была создана караульная рота 220 человек – гвардия. В роте каждый взвод имел свои объекты охраны. И весь состав обязан был знать в лицо тех, кто имеет право бывать на объектах. Состав роты был из коммунистов по специальному набору провинциального комитета. [...] Всю систему снабжения возглавляли испанцы. Сначала при них были наши советники, потом их снял. Каждый батальон снабжения имел свой аппарат, который подчинялся по специальным вопросам помощникам по хозяйству. Обязанность комбатов – докладывать мне о любом недочете в снабжении. Но недочетов не было, так как испанцы считали великим позором, если генерал задаст вопрос, почему не выдано что-либо бойцам».³³

Уже отмеченное стремление наших специалистов преодолеть недостатки, характерные для РККА, отмечается и в системе снабжения личного персонала вещевым довольствием и продуктами питания. Так, не устанавливалось сроков носки обмундирования. Вещи выдавались по мере их износа и необходимости. Не было и норм пищевого довольствия. Каждый танкист брал с собой на задание, сколько ему хотелось. В рацион входили хлеб, консервы (мясные, овощные, рыбные), лук, фрукты, вино. Примерно получалось, что один танкист за день съедал от половины до килограмма хлеба, 300–450 грамм консервов, пять кружек кофе в термосах и пол-литра вина. «Натуральное виноградное вино является простой приправой к заправлению кухни, часто вместо воды или в смеси с водой. Характерно, что наши товарищи сперва налегли на вино, а затем все пошло нормально. Пьяных не было. Правда, были отдельные случаи, когда после 6–9 атак отдельные бойцы были настолько потрясены боем, что для успокоения нервов пили коньяк, затем, поделившись впечатлениями, мирно спали положенные 3–4 часа».³⁴

Важной частью тылового обеспечения служит медицинская служба. На первоначальном этапе (ноябрь–декабрь 1936 года) за обилием других дел и малым количеством персонала организовать ее не представлялось возможным. Имелись только прикомандированные фельдшеры, которые отвечали за текущее состояние здоровья танкистов. Большая часть раненых забиралась в госпиталь санитарной службой пехотных частей. Они вывозились на машинах в госпиталь, где уже интересовались именем раненого – в том случае, если он мог его сказать. Это приводило к тому, что не умеющие объясниться по-испански советские танкисты исчезали с поля боя, и руководство некоторое время просто не знало, что с ними: убиты, ранены, пропали без вести или по-прежнему находятся на поле боя. Иногда был известен только город, в одном из госпиталей которого лежал раненый танкист.³⁵

При этом наши специалисты неоднократно отмечали замечательную работу испанской санитарной службы первого края.

«Санитары, врачи и шофера испанской санитарной службы – подлинные герои. Для них нет страха, нет преград к вывозу раненых. Санитарные машины на моих глазах выезжали по дороге на 100–200 метров по направлению к противнику, и санитары хватали раненых и быстро увозили. [...] Каждая рота имеет 6–7 носилок и санитаров по 2, по 3. Ротные санитары всегда находятся при своих людях. Во время наступления часть санитаров идет вместе с наступающими, а часть из-за ближайшего укрытия наблюдает, и как только кто бывает

³³ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 714, лл. 23–24.

³⁴ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 714, л.

³⁵ Е. З. Воробьев, Д. И. Кочетков. Я не боюсь не быть... С. 185.

*ранен, санитары тут же его забирали и уносили к себе в укрытие, где делалась первичная перевязка. Это происходит рядом с наступающей пехотой. Затем санитары уносят больного в тыл по дороге на 300–400 метров. Это там, где еще пули летят и снаряды рвутся. На Хараме и на 500 метров от своей передовой части. Здесь уже раненого кладут на машину и везут в ближайшую бригаду, дальше в бригадный госпиталь. На контрольном пункте кричат: „Везут столько-то человек“. Дежурный врач ставит эту цифру. Пехотные бригады имеют свои госпитали и у попавших раненых выясняют фамилию во время лечения. Часто бывает, например, на стыке частей, что санитары везут их в другой госпиталь, а потом разбираются. Во время боя все раненые одинаковы – таков принцип. Каждый батальон имеет 1–2 санитарных машины. Бригада своих – 4–6 грузовых и 3–4 легковых, и, кроме того, используется спорный транспорт. Каждый боец имеет индивидуальный пакет».*³⁶

Проблемы возникали уже на излечении, где для раненого, который пережил не только ранение, но и психологический шок, было очень важно, чтобы его понимали на родном языке. Ввиду этого, а также необходимости ускорения введения раненых танкистов в бой, была организована собственная медицинская служба. Был создан крупный госпиталь в Арчене и арендованы несколько палат в центральном мадридском госпитале, приняты на службу испанские врачи и младший медицинский персонал, которые подбирались и по профессиональным качествам, и по рекомендациям местных комитетов Испанской коммунистической партии. Для наблюдения за действиями врачей был назначен советский представитель. Вначале это была Кольцова, которая была отстранена от работы за нетактичное отношение к испанскому персоналу, затем Эрна, которую Павлов характеризует только положительно. *«Врачи все испанцы и только зам. зав. санчасти был болгарин, при штабе, умеющий говорить по-русски. Санитары были подобраны сильные, а сестры – знающие дело, честные и смелые, и красивые. Все были чисто и изящно одеты. Это было сделано для того, чтобы внешним видом успокаивающе влиять на раненых. Сестры работали, не покладая рук. К тяжело раненым становились лучшие из лучших. Они буквально выныкивали раненых».*³⁷ Но самое главное – была отлажена система поиска «своих» раненых на поле боя и перевоз их в свои госпитали.

В заключение хочется сказать, что не удалось найти документ с точной статистикой заболеваний, однако по Харамской операции известна бумага, в которой перечисляются причины ранений и заболеваний по мере их важности во время этого сражения. На первом месте стоят ожоги, полученные танкистами при сгорании танков. Второе «почетное» место занимают нервные заболевания. Отмечается высокая переутомленность экипажей в результате боев, которая ведет к нервным срывам, и как следствие – к нервным спазмам пищевода, кровавым поносам, рвотам, нервному подергиванию, тикам от попадания под бомбардировку.³⁸ В отчете Павлова также отмечается высокая степень нервных заболеваний («после пяти-шести атак из роты привозили, как правило, 3–5 человек в бессознательном состоянии»),³⁹ которые у танкистов иногда переходят в психические расстройства. В справке об отправленных на родину комиссованных танкистах от 28 января 1937 года у каждого раненого вне зависимости от наличия других заболеваний отмечается наличие нервного расстройства.⁴⁰ Третье место в списке медицинских проблем танкистов во время Харамской операции занимают заболевания слухового аппарата, возникающие при контузии. И только на четвертом месте – прямые пулевые и осколочные ранения.⁴¹ Далее идут простудные заболевания, роль антисанитарных условий и т. д.

³⁶ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 714, лл. 26–27.

³⁷ Там же, лл. 27–28.

³⁸ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 713, л. 38.

³⁹ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 71, л. 19.

⁴⁰ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 714, л.

⁴¹ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 713, л. 38.

Наконец, стоит остановиться на деятельности ремонтной службы и службы вывоза подбитых танков с поля боя. Во всех отчетах наших танкистов отмечается, что практически при любом развитии событий наши танкисты стремились вывезти с поля боя подбитую и сломанную технику, задействуя для этого иногда даже большие силы, чем принимали участие в конечной атаке. Создавались специальные бригады резервных танков, которые выделялись специально для этой миссии. Привлекались силы пехотных подразделений. В ходе боев за Мадрид в мае 1937 года в ежедневных сводках сообщалось, сколько танков еще находится на нейтральной территории и сколько вывезено за этот день в результате специально организованных атак.

Случаи бросания своей техники на территории, контролируемой франкистами, всегда рассматривались особо и расценивались как ЧП. Вывозили даже совершенно сожженную технику. Была организована сеть ремонтных баз, полностью укомплектованная как советскими, так и испанскими специалистами. В результате, большинство поломок ликвидировались в течение нескольких часов, максимум за сутки, что позволяло танку снова идти в бой. Известен случай с одним танком, который за один день выходил из строя дважды и в результате ремонта в тот же день принял участие в четырех атаках. Ремонтные мастерские проводили анализ поломок техники и их причин. По их результатам проводили занятия и беседы с механиками по их предотвращению.

Следует отметить, что ремонтники не выделяли действия испанских экипажей как особо безграмотные. Вообще, если говорить о характеристике действий различных национальных землячества, то испанцы признавались советскими специалистами грамотными и дисциплинированными военными, которые с охотой учатся и отличаются личной храбростью, зачастую компенсирующей нехватку опыта. Правда, всегда отмечались и более высокие потери в испанских экипажах — за счет нехватки тактического опыта. Наибольшим уважением пользовались экипажи из немецких интернационалистов. Худшими считались французы — по причине низкой дисциплины, пристрастия к алкоголю и посещению увеселительных заведений. Имелся случай отчисления французов из танковых частей за недисциплинированность.

Проведенный анализ тыловой службы говорит о том, что с середины января 1937 года она была организована на достаточно высоком уровне и функционировала без сбоев. Умения и таланты Павлова как хорошего администратора проявились при ее создании достаточно ярко, как и его стремление обращать внимание на детали, организовать работу не за страх, а за совесть. И тыловую службу, и подготовку испанских танкистов нельзя признать причиной высоких потерь в Харамской операции и дальнейших боях. Более того, грамотно организованная система работы тыла обеспечивала сначала группе Кривошеина, а затем бригаде Павлова возможность играть одну из ключевых ролей в ходе обороны Мадрида.

* * *

После остановки в ноябре 1937 года лобового наступления франкистов на Мадрид, обе стороны постарались нанести друг по другу ряд фланговых ударов. Республиканцы стремились разрезать растянутые и укомплектованные более слабыми тыловыми частями фланги националистов. Они старались перерезать коммуникации и разбить или хотя бы заставить отступить мадридскую группировку Франко. Предполагалось серией ударов по слабо укрепленным местам заставить врага перераспределить силы и ослабить свои удары в районе Университетского городка.⁴²

К наиболее крупным попыткам контрнаступлений стоит отнести рейд республиканских сил 28–29 ноября из района Вальдеморо до городка Талавера-де-ла-Рейна в тыл франкистских

⁴² Место наибольших ударов франкистов по Мадриду.

сил.⁴³ Самое активное участие в нем принимала танковая группа Кривошеина. Это наступление дошло до города Талавера. На пару дней оно оттянуло несколько дивизий от Мадрида, но кончилось ничем. Другой удар наносился 1–3 января в районе Сигуэнсы (северо-восточная часть Мадридского фронта, по другую сторону от Гвадалахары) и окончился захватом деревень Альмадронес, Мирабуэно и Альгора.⁴⁴ Но взять стратегически важный город Сигуэнса республиканцы не смогли.

Для Франко фланговые удары в обход Мадрида также играли важную роль. Помимо нанесения контрударов по атакующим республиканским силам, он стремился перерезать коммуникации республиканских войск и окружить Мадрид. Наиболее перспективными представлялись три направления: северо-восточное, северо-западное и южное – юго-восточное.

Северное (северо-восточное) направление было наиболее удалено от Мадрида, и на нем республиканские войска провели несколько удачных локальных операций. Мощный удар в этом направлении в конце 1936 – начале 1937 годов мог привести к встречному сражению. При этом франкистам приходилось оттягивать основные свои силы от Мадрида – то есть делать то, чего и добивались республиканцы, атакуя Альгору. Пойти на это Франко не мог.

Северо-западное направление характеризовалось удобной сетью местных дорог, однако до крупных коммуникаций, таких, как Сеговия—Мадрид и Гвадалахара—Мадрид, приходилось наступать достаточно долго. Франко нанес в этом направлении несколько ударов.

Первый, в начале декабря 1936 года, был недостаточно подготовлен и остановлен рядом контрударов республиканцев, проведенных как в Мадриде (удар по горе Гарабитас), так и в окрестностях города, в парке Эль-Пардо.⁴⁵ Следующий удар в этом направлении был нанесен 3 января 1937 года. Операция велась на широком фронте (от пригорода Мадрида Умерло до Вальдеморильо) – порядка 24 км.⁴⁶ Соотношение сил было по пехоте примерно равно, но по технике франкисты имели преимущество в 2–5 раз. Кроме того, удар был неожиданный. Подвоз новых войск и вооружений был удобен для обеих сторон. Выигрывал тот, кто был быстрее.

45 Л. Вышельский. Мадрид 1936–1937 гг. М., 2003. С. 95–96.

46 Гражданская война в Испании... С. 84–101; Л. Вышельский. Мадрид. С. 106–117; Э. Листер. Наша война. М., 1969. С. 103–108; Х. Томас. Гражданская война в Испании. 1931–1939. М., 2003. С. 318–319.

На первом этапе быстрее были франкисты, которые жаждали взять реванш за неудачи последних месяцев. За 3 дня им удалось прорвать фронт и продвинуться на 8 километров в обход Мадрида, почти перерезав шоссе Сеговия—Мадрид. Это могло привести к окружению большой группировки республиканских войск и развалу фронта обороны Мадрида.

Экстренными усилиями республиканскому руководству удалось собрать все имеющиеся резервы и остановить врага в тот период, когда ему понадобилось подтянуть резервы и перегруппироваться. Однако ситуация для защитников Мадрида оставалась предельно критической. Было принято решение нанести контрудар в районе населенных пунктов Лас-Розас и Махадаонда, чтобы вернуть положение к первоначальному. Этот контрудар был боевым крещением танкистов группы Павлова, действия которых будут подробно рассмотрены при описании Харамской операции. В результате несогласованности ударов республиканцев и отчаянных усилий франкистских гарнизонов этих деревень республиканское наступление провалилось. Однако сил для развития своих ударов у Франко тоже не оставалось, и фронт стабилизировался.

⁴³ Л. Вышельский. Мадрид 1936–1937 гг. М., 2003. С. 95–96.

⁴⁴ Гражданская война в Испании. Действия на Центральном фронте (октябрь 1936 – апрель 1937 года). СПб, 2006 С. 74–83; М. Кальцов. Испанский дневник. М. 2005. С. 293–297.

⁴⁵ Л. Вышельский. Мадрид 1936–1937 гг. М., 2003. С. 95–96.

⁴⁶ Гражданская война в Испании... С. 84–101; Л. Вышельский. Мадрид. С. 106–117; Э. Листер. Наша война. М., 1969. С. 103–108; Х. Томас. Гражданская война в Испании. 1931–1939. М., 2003. С. 318–319.

После прекращения боев перед республиканским руководством стал вопрос о месте следующего удара франкистов. Большая часть наших советников во главе с В. Е. Гориним, как и штаб Центрального фронта, предполагали, что удар националистов последует в том же направлении, что и прежде. Слишком небольшие усилия требовались франкистам для того, чтобы завершить окружение Мадрида, ударив в этом направлении. Предполагаемое решение со стороны республиканцев – удар с юго-запада через реку Харама в сторону городков Сесеньи, Вальдеморо и далее в тыл мадридской группы генерала Франко. По данным разведки, сопротивление этому удару могли оказать только плохо вооруженные пехотные части, имеющие низкий уровень стойкости. Предполагалось, что главный удар будут наносить 15 бригад из района Боадилья с задачей захвата Хетафе и Леганес. Вспомогательный удар наносился 5–6 испанскими бригадами из Сан-Мартин-де-ла-Вега в сторону города Гриньон.⁴⁷ Кроме того, рассчитывали, что мадридский гарнизон нанесет сковывающий удар, который не позволит перебросить основные силы противника на помощь. Поддержку наступлению должны были оказать танковая бригада Павлова и до 160 орудий артиллерии. Во второй эшелон наступления вводились 8 интернациональных бригад, которые должны были не допустить прорыва мадридского гарнизона мятежников из окружения. Самым важным элементом операции была скорость ее проведения. Предполагалось, что окружение франкистов состоится через два дня.

Причин, по которым Франко решил нанести удар в том же направлении, а не добивать республиканцев на севере, может быть несколько. Самая распространенная точка зрения в историографии – Франко узнал о медленном развертывании республиканских сил и решил нанести удар на опережение.⁴⁸ Другая возможная причина – наступление франкистов на северо-западе закончилось контратаками республиканцев. Войска националистов не смогли взломать хорошо укрепленную оборону в городках Вальдеморильо и Торелондонес. Опыт боев в Мадриде показывал, что для франкистских сил взлом подготовленной обороны – чрезвычайно тяжелая задача. Не было никакой гарантии, что они справятся с ней снова. Нападение на юго-востоке давало значительно больше шансов на успех в случае опережения развертывания республиканцев. Последнее не представлялось трудным, так как республиканцы тяжело восстанавливались после прошедших боев.

Первые данные о том, что ситуация для республиканцев не укладывается в запланированную штабами картину, добыла разведка танковой бригады в конце января 1937 года. Дотошный Павлов, не доверяя данным от испанцев, перед предполагаемым наступлением, организовал свою собственную разведывательную службу. Данные поступали от осмотра местности, разведывательных рейдов и агентурных данных.⁴⁹ Особое внимание уделялось допросу пленных и перебежчиков. Был создан бланк, в котором вся информация сводилась и ежедневно (а иногда и два раза в день утром и вечером) обрабатывалась.⁵⁰ Сохранилось большое количество тетрадей фиксации такой информации.⁵¹ Кроме специальной разведки, данные о противнике обязаны были собирать начальники штабов батальонов, которые должны были проводить визуальную разведку местности и допрашивать перебежчиков и пленных. Для них был создан свой бланк по сбору информации.⁵²

⁴⁷ Гражданская война в Испании... С. 102–105.

⁴⁸ С. Ю. Данилов. Гражданская война в Испании. М., 2004. С. 124.

⁴⁹ О их наличии говорит сбор и обработка информации о контрразведывательной службе франкистов (должности, имена и личные данные ее начальников на уровне дивизий и таборов). Представляется вероятным, что от агентов добывались данные о мероприятиях франкистов по повышению дисциплины в войсках, мнения их начальников о различных ее нарушениях, схема изменения опознавательных знаков, рисовавшихся на танках в зависимости от дня недели. Смотри РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 714, лл. 69–71.

⁵⁰ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 713, л. 2.

⁵¹ Например, РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 711, лл. 1–79 или РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 714, л. 72.

⁵² РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 713, л. 2.

Исходя из нее, складывалась картина, говорящая о концентрации сил фашистов в пунктах Хетафе, Пинто, Вальдеморо, Легарес и Сьерро-Рохо. *«Причем в Хетафе, Пинто и Вальдеморо стягивалась конница, пехота и артиллерия, а в Легарес штаб и склады снабжения, в Сьерро-Рохо охранение на укрепленных позициях. Всего по данным разведки противник сосредоточил до 20 тысяч войск, свыше 20 батарей, большое количество орудий ПТО, 5-7 зенитных батарей и около пятидесяти малых танков типа Ансальдо. Причем к району Сан-Мартин-де-ла-Вега сосредотачиваются марокканцы, а к району Мората и Арганда иностранный легион».*⁵³

Отмечалось активное стремление противника к захвату языка на левом берегу реки Харама. В работе «Гражданская война в Испании. Действия на Центральном фронте (октябрь 1936 – апрель 1937 года)», составленной нашими советниками, просто упоминается о наличии таких данных. Авторы подводят к мысли, что, даже имея нужную информацию, республиканцы просто не успели развернуть свои силы.⁵⁴ Немного другая картина рисуется по отчетам Павлова. По его сведениям, он неоднократно передавал собранные разведкой данные в штаб Центрального фронта и товарищу Гореву лично. Однако тот, излишне увлеченный своей теорией скорого удара франкистов в районе Эль-Пардо – Торелондонес, отказался придавать данным Павлова какое-либо значение.⁵⁵ Учитывая предельно напряженные отношения между ними, переходящие в активную вражду, стоит предположить, что Горев невысоко оценивал качество собранных Павловым данных и принципиально отказывался к ним прислушаться. Об этом говорит тот факт, что уже во время Харамской операции войска перебрасывались на нужный участок чрезвычайно быстро.

Реальной причиной медленной концентрации войск была боязнь снять их с вероятного направления наступления противника, которое ожидали в другом месте со дня на день. Слишком часто уже случалось, что Франко не реагировал на удары в других местах фронта, атакуя там, где он заранее выбрал место для операции. И в этом случае уже республиканцы вынуждены были перебрасывать войска в место прорыва врага, отставая в развертывании.

Для осуществления своих замыслов Франко должен был сбить передовые части республиканцев в населенных пунктах Сьемпосуэлос и Сан-Мартин-де-ла-Вега, переправиться через реку Харама в месте впадения ее в реку Мансанарес. Затем требовалось оседлать шоссе Валенсия—Мадрид, захватить быстрым штурмом транспортный узел Арганду и важный для прикрытия правого фланга наступления город Мората-де-Тахунья. После этого практически перерезались все пути подвоза продовольствия и вооружения в Мадрид, и уничтожение его гарнизона представлялось достаточно легкой задачей.

Узким местом всей операции служили переправы через реки Харама и Мансанарес. Проблему создавала и система связанных между собой горных гряд, разделенных узкими долинами, которая могла быть использована для создания устойчивой обороны. Не способствовали скорости операции и погодные условия. Февраль 1937 года, как и вся зима, выдался очень теплым, с положительными температурами, и очень влажным.⁵⁶ В воздухе висел густой туман, который затруднял действия авиации и сокращал длительность активного светового дня. От дождей река Харама стала полноводной, что делало невозможным пользование бродами, затрудняло организацию дополнительных переправ. Войска должны были пользоваться только тремя мостами через Хараму, которые находились друг от друга на достаточно большом удалении в пунктах Похарес, Сан-Мартин-де-ла-Вега и Титульсия. Дожди и влага пропитали почву в горах, делая их проходимыми для колесной техники только по дорогам. Оползни и кам-

⁵³ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 713, лл. 1–2.

⁵⁴ Гражданская война в Испании... С. 105.

⁵⁵ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 715, л. 10.

⁵⁶ Л. Вышельский. Мадрид. С. 102.

непады ограничивали подвижность пехоты и танков, возможность подвоза артиллерии и требовали от атакующих повышенных моральных качеств. В своих отчетах наши танкисты отмечали, как ограничивающий возможность боевых действий фактор, наличие оливковых рощ «... [склон] покрытый оливковыми деревьями симметрично расположенными рядами в интервале от 2 до 4 метров с кудрявой густой листвой на высоте 1–2 метра от земли. Это все ограничивает действие танков в прямом направлении, затрудняет маневр танка и особенно башни. Кругозор в секторе 10–12 метров. Затрудняет управление со стороны командира. Густая листва оливок мешает видеть сигналы. Не дает возможность оказать помощь огнем соседнему танку».⁵⁷ Все перечисленные погодные и природные данные на первом этапе сражения на Хараме были на руку республиканской армии. Они способствовали задержке наступления франкистов и выигрышу времени для подвозки по шоссе и железной дороге подкреплений и их развертыванию.

Серьезной проблемой для наступающих войск Франко был изменившийся качественный состав республиканской армии. По-прежнему и в рядовом, и в офицерском составе республиканцы по всем параметрам уступали лучшим частям националистов – марокканцам и иностранному легиону. Но, хотя и постепенно, улучшалось качество дисциплины, налаживалась какая-никакая боевая учеба. Шел активный процесс создания республиканской регулярной армии. Здесь большую роль сыграл «Пятый полк» – созданное коммунистической партией учебное подразделение, возглавляемое одним из самых талантливых республиканских полководцев Э. Листером. Серьезным моральным фактором служило понимание бойцами того, что при полном старании и самоотдаче враг не может прорвать созданные ими укрепления. Сорванные франкистские наступления воспринимались как победы. Всему этому Франко мог противопоставить скорость и только скорость на первом этапе операции.

6 февраля 1937 года войска Франко начали наступление. Оно развивалось в двух направлениях. С одной стороны наносился удар левым флангом по переправам через реку Мансарес, что давало возможность обойти Мадрид по кратчайшей траектории. Однако предполагалось, что удар в этом направлении может встретить ожесточенное сопротивление войск мадридского гарнизона.⁵⁸ На этом участке была захвачена вершина горы Мараньоса и городок Васьямадрид.⁵⁹ Однако республиканские войска не только не оставили переправ через реку, но и вечером 8 февраля нанесли несколько чувствительных контрударов, которые хотя и не отбросили врага, но заставили фронт на этом участке стабилизироваться.⁶⁰

59

Второе направление – это удар франкистов правым флангом на городки Сан-Мартин-дела-Вега и Сьемпо-суэло. В историографии существует мнение, что устранение находящихся на западном берегу реки Харамы республиканских заслонов XXIII бригады не представляло для франкистов никакой проблемы.⁶¹ Согласно большинству авторов, на следующий день оба населенных пункта на левой стороне реки Харамы были оставлены почти без боя. Единственная книга, где отмечаются отдельные столкновения в первый день боев – это «Действия на Центральном фронте...».⁶² Но и там указывается, что на эти пункты были оставлены 7 февраля. В любом случае франкистское наступление показывается как максимально эффективное и энергичное.

⁵⁷ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 713, л. 3.

⁵⁸ J. M. Martínez. El Jarama, preludio de una guerra larga // Actualidad Española, № 31 de 1977.

⁵⁹ Там же; Гражданская война в Испании... С. 109

⁶⁰ Гражданская война в Испании... С. 110

⁶¹ А. Шталь. Малые войны 1920–1930-х гг. М., 2003. С. 258; Х. Томас. Гражданская война... С. 346; Л. Вышельский. Мадрид. С. 122.; J. M. Martínez. El Jarama...

⁶² Гражданская война в Испании... С. 105

А дальше происходит непонятное. Войска Франко неожиданно останавливаются – как утверждается, на перегруппировку и подготовку к следующему этапу наступления.⁶³ Они пребывают в таком состоянии сосредоточения после отсутствия боев почти 3 дня – с 8 по 11 февраля. Видимо, стоит предположить, что генерал Варела⁶⁴ не знал, что такое эшелонирование наступления, или же ему некуда было спешить и он ожидал, когда республиканцы подтянут резервы. Часть авторов для того, чтобы разрешить это противоречие, вынуждены переносить переправу франкистов через Хараму на 8 февраля.⁶⁵ Часть авторов описывают две первых переправы франкистов через Хараму 8 и 11 февраля (реальная дата первой переправы).⁶⁶

Сохранился документ, который объясняет странное поведение франкистских генералов. Это «Отчет о действиях броневоего отряда в районе Арганда, Сан-Мартин-де-ла-Вега, вершины Кудайрона и Пингаррона».⁶⁷ Согласно сообщению начальника броневоего отряда Панова,⁶⁸ ситуация рисуется следующим образом. Его подразделение с 28 января 1937 года находилось на переправе через реку Хараму у Титульсии и на перекрестке дороги Вальдеморо—Толедо с ответвлением на городок Сесенью.⁶⁹ Уже с конца января противник незначительными силами постарался занять городок Съемпосуэлос и переправу у Тетульсии – видимо, с целью обеспечить себе удобный плацдарм для начала будущего наступления. Крупные силы им не использовались, по-видимому, для того, чтобы не насторожить республиканцев.

Не добившись успеха, под огнем пушек и пулеметов отряда броневиков националисты откатились назад. Начальником отряда регулярно собирались и сообщались лично Павлову разведывательные данные о сосредоточении противника. В начальных действиях Харамской операции отряд не участвовал до 10 февраля. В этот день он получил от подполковника Бурильо приказ – выдвинуться через Съемпосуэлос в Сан-Мар-тин-де-ла-Вега для оказания помощи занимавшей его XXIII бригаде. Иначе говоря, бои за эти населенные пункты шли все предыдущие дни. Вместе с броневиками должны были выступить 4 батальона штурмовой гвардии («гвардия асальто»).

Броневики прибыли в Сан-Мартин-де-ла-Вега в 14:30, обогнав маршировавших пешком гвардейцев, и обнаружили, что город только что покинут без боя солдатами XXIII бригады, которые переправились на другой берег реки. Решив не ждать в городе, отряд двинулся на запад по дороге в Пинто и через восемь километров обнаружил 4 наступающих эскадрона франкистской кавалерии, которых полностью рассеял. Через некоторое время на седьмом километре этой дороги был встречен крупный отряд франкистской пехоты, наступавший в сопровождении пушек ПТО.⁷⁰ Под его давлением броневики отступили назад к Сан-Мартин-де-ла-Вега. Туда же к 15:00 подошли батальоны гвардейцев. Они заняли господствующие высоты над городком и удерживали их до темноты.

Отряд броневиков отбивался в городе, расстреляв весь боекомплект и уничтожив 1 пушку ПТО и 3 пулемета, к 19:00 отступил к мосту через Хараму. Туда же на следующий день, боясь быть окруженными, отошли и гвардейцы.

⁶³ Гражданская война в Испании... С. 105

⁶⁴ Генерал Варела командовал франкистскими войсками на этом участке фронта.

⁶⁵ С. Ю. Данилов. Гражданская война... С. 124.

⁶⁶ Л. Вышельский. Мадрид. С. 123 и 124.

⁶⁷ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 713, лл. 23–27.

⁶⁸ Инициалы, к сожалению, не указаны, и выяснить их пока не удалось. На сайте <http://mechcorps.rkka.ru> упоминается А. Панов, однако никакой информации о нем нет.

⁶⁹ Это то самое место, откуда началась первая в испанской войне танковая атака группы Поля Армана на городки Сесенья, Эскивас и Борокс.

⁷⁰ Во франкистской армии использовалась немецкая противотанковая пушка калибра 3,7 см. Она пробивала при угле встреч 600 на дистанции 100 метров броню толщиной 37 мм, на дистанции 300 м – 26 мм, на дистанции 500 м – 22 мм, а на дистанции 1000 м – 14 мм. См.: Вооружение германской артиллерии. М., 1943. С. 42–44.

Допрос двух пленных показал, что наступление франкистов велось тремя колоннами. Первая наступала на Сьемпосуэлос, который был занят в 18:00. Атаки второй на Сан-Мартин были отбиты гвардейцами и броневиками. Третья колонна захватила населенный пункт Каса Госкис. На следующий день 11 февраля франкисты начали массовую бомбардировку Сан-Мартин-де-ла-Вега – не зная, что его уже окончательно покинули республиканские войска. Город был захвачен в середине дня.

Таким образом, согласно отчету Панова,⁷¹ Франко ничего не перегруппировывал – он просто в течение недели не мог выйти к переправам и уничтожить отчаянно сопротивляющиеся республиканские войска, значительно уступавшие ему в численности. Одна из причин этого – крайняя измотанность ударной силы националистов – иностранного легиона и подразделений марокканской пехоты.⁷²

Захватив Сан-Мартин-де-ла-Вега, Франко сделал все, чтобы наиболее быстро переправиться на тот берег и отыграть потерянный темп операции. Отсутствие информации об этих боях вполне объяснимо. Республиканцы за период, предоставленный им сопротивлением XXIII бригады, «гвардии асальто» и роты броневику, не распознали этот удар франкистов как основной, а не отвлекающий, и не организовали стремительной переброски резервов.⁷³ Не красят эти бои и франкистское командование – имевшее значительное превосходство в качестве и количестве войск, но не реализовавшее это преимущество за нужное время.⁷⁴

Пока на южном фланге наступления шли бои за подходы к переправам, на северном участке франкисты оттеснили республиканские войска к мостам через реку Мансанарес и вышли к железнодорожному мосту через Хараму близ селения Пиндоке. В ночь на 11 февраля они, пользуясь головоуятиством охранявших мост французских интербригадовцев,⁷⁵ без единого выстрела, только ножами, сняли караулы и взяли мост под свой контроль.⁷⁶

С утра началась активная переправа через реку. Рядом саперы строили еще один понтонный мост. Первым делом франкисты быстрым рывком вышли на гору Похарес и прилегающий кряж и организовали там оборону, подтянув успевшую переправиться артиллерию, и, возможно, некоторое количество итальянских танков «Ансальдо».

Переправу у Похарес и транспортный узел Арганда, ключевое звено обороны Мадрида, разделяют порядка семи километров качественного шоссе. Республиканскому командованию надо было действовать быстро и решительно, постаравшись сбросить франкистов с захваченного плацдарма, прежде чем они успеют на нем закрепиться. Уже в 10:00 на место прибыли главный советник при Центральном фронте Горев и советник Купер (Г. И. Кулик).⁷⁷ Была

⁷¹ Вернее его части, так как в нем описываются все действия отряда в Харамской операции.

⁷² Возможна и другая (правда, ничем ни подкрепленная) версия – что Франко до последнего раздумывал о направлении главного удара и не вводил ударные силы в бой. Однако ее признание порождает еще большее количество вопросов и недопониманий.

⁷³ Вина республиканского командования не слишком велика. С захваченного им пятачка Варела мог спокойно переносить удар с одного направления на другое, кардинально меняя цели своих ударов. Их отражения требовало от республиканского командования значительных перебросок войсками и перекрывания не одного, а сразу нескольких направлений.

⁷⁴ Возможны две версии действия франкистского командования. По первой, оно с самого начала рассматривало направление на Мансанарес как главное, а наступление на Сан-Мартин-де-ла-Вега как обеспечение флагов операции и только 8.02.1937, столкнувшись с упорной обороной, поменял направление главного удара на новое. По второй, наступление в излучине Мансанарес было фланговым и должно было прикрыть удар на мосты через Хараму (реальное течение событий). Но в любом случае надо признать значительную потерю темпа операции, который и привел в дальнейшем к ее полному провалу.

⁷⁵ Батальон им. А. Марти XII интербригады. Это батальон вместе с 7 танками за предыдущий день выдержал несколько атак франкистов, пытавшихся отбросить его с небольшого плацдарма к мосту. В ходе этих боев два танка были брошены своими экипажами (испанскими) целыми и перешли под контроль националистов, воюя впоследствии в составе их подразделений. Французы же очистили занимаемый ими плацдарм и были без смены оставлены охранять мост.

⁷⁶ А. И. Родимцев. Под небом Испании. М., 1985. С. 134.

⁷⁷ Кулик Г. И. (1890–1950) – комкор (впоследствии маршал. В 1926–1930 гг. и в 1937–1941 гг. – начальник артиллерийского управления РККА (1939 года – ГАУ). Во время Великой Отечественной войны трижды снимался с должности и понижался в звании. В 1947 году арестован, в 1950 году расстрелян, в 1956 году реабилитирован с восстановлением маршальского

организована оборона на новых рубежах и попытки контратак образовавшегося плацдарма. На ближайшие подступы к мосту была выведена XII интербригада во главе с генералом Лукачем.⁷⁸ XI интербригада должна была оседлать горный кряж напротив горы Похарес и сбросить с него группу прикрытия плацдарма.

Проблема была в том, что на месте был только польский «батальон Домбровского»,⁷⁹ а местоположение XI интернациональной бригады было точно не известно. В 9:30 11 февраля по тревоге были подняты второй и третий батальоны танковой бригады и брошены в направлении Харамских переправ. Вторым танковым батальоном во главе с комбатом М. П. Петровым⁸⁰ был отправлен в Арганду. Третий танковый батальон во главе с комбатом Иустином Федоровичем Урбаном отправлялся в Мората-де-Тахунья.⁸¹

Майору Петрову было приказано в 13:00 явиться в штаб группы и поступить в распоряжение советника полковника Горева.⁸² Приехав в штаб в положенное время, он Гореву не застал, так как тот пытался собрать и организовать имеющиеся силы. Атмосфера в штабе была предельно взвинчена. Командир XII интербригады Лукач потребовал от Петрова сразу с ходу атаковать переправу у моста Похарес. Когда последний отказался, мотивируя тем, что Лукач ему не начальник, от кого он и хочет получить непосредственный приказ, Лукач «набрался храбрости выгнать комбата из штаба».⁸³ В этот момент в штаб позвонил Горев и потребовал, чтобы Петрова задержали в штабе до его приезда и личного приказа танкам на наступление. Появившись в штабе вместе с Купером, Горев фактически продублировал решение Лукача: «XI бригада действует левее вас, имея задачу сбить противника с горного массива и захватить гору Похарес. Вдоль долины западного берега реки наступает бригада Лукача, имея задачей захватить железнодорожный мост, отрезав противника от переправы. Ваша задача – танковому батальону уничтожить противника, действуя совместно с XI и XII бригадами».⁸⁴

Для выполнения приказа Петрову надлежало подвести батальон к дороге Мадрид—Мората-де-Тахунья—Чинчон, где наладить связь с XI и XII бригадами и ждать Горева, который едет в XI бригаду, приведет ее к танкистам, и они вместе атакуют одновременно и гору Похарес, и переправу. «Батальон был выдвинут согласно поставленной задачи, расположен в одном километре восточнее указанной дороги, в оливковой роще. Сам лично вышел к дороге, чтоб получить следующие указания и уточнить время атаки с генералом Купером, одновременно связаться с пехотой XII бригады».⁸⁵

Ждать начальство танкистам пришлось достаточно долго. XI интербригада, которая должна была атаковать гору Похарес, к месту сбора не успела, и Горев с Купером ее не нашли. В 16:15, когда время контратаки было практически упущено (переправа националистов без

звания. Взято из: Гражданская война в Испании... С. 458.

⁷⁸ Псевдоним венгерского коммуниста Мате Залки.

⁷⁹ С. Engel. Historia de las brigadas mixtas del ejército popular de la república. Взято с сайта http://es.geocities.com/batalla_jarama.

⁸⁰ Петров Михаил Петрович. С 1935 г. – майор, с 1937 г. – комбриг, с 4.06.1940. – генерал-майор. Герой Советского Союза. Родился 3.01.1898 в д. Золустежье ныне Лужского района Ленинградской обл. Участник революции и Гражданской войны. В Красной Гвардии с марта 1917 г. – командир отделения 2-го Петроградского красногвардейского отряда. В РККА с 1918 г. В 1923–25 гг. курсант пехотной школы в Тамбове и Закавказской политической школы. В 1932 г. окончил Ленинградские БТКУКС, а затем командовал учебным батальоном 1-й механизированной бригады. Участник Освободительного похода в Западную Белоруссию в сентябре-октябре 1939 г. – командир 15-го танкового корпуса. В 1940 г. инспектор АБТВ ЗапОВО. В 1941 г. окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба. Командир 17-го механизированного корпуса (11.03.1941–11.08.1941). Осенью 1941 г. (16.08–13.10.1941) командующий группой войск Западного фронта и 50-й армией, попавшей в окружение в р-не г. Хвостовичи. Был тяжело ранен и умер от гангрены. По другим данным погиб 10.10.1941 у д. Голынка при выходе из окружения. Похоронен в Брянске. Информация взята с сайта <http://mechcorps.rkka.ru>.

⁸¹ Оттуда перекрывалось направление на мосты в районе Сан-Мартин-де-ла-Вега и Титульсии.

⁸² РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 711, л. 373.

⁸³ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 711, л. 373.

⁸⁴ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 711, л. 373.

⁸⁵ Там же.

малейших препятствий продолжалась уже больше четырнадцати часов) в распоряжении танкистов появился Купер, разозленный отсутствием XI бригады, и набросился на Петрова. При всех танкистах он обвинил комбата в безынициативности и приказал немедленно наступать в одиночку без одиннадцатой бригады: *«Противник перевел эскадрон конницы. А вы стоите и ждете, когда еще переправят. Ставлю задачу немедленно отрезать переправу»*.⁸⁶

Полученную задачу Петров выполнять отказался, поскольку одни танки без пехоты не могут захватить и удерживать переправу, а движение в долине между двух гор при отсутствии артиллерии у республиканцев и наличии у противника привело бы к уничтожению батальона.

Стоит добавить, что полученный приказ расплыл батальон между двумя очень сложными целями. Первая цель – переправа. Движение к ней происходило между горной грядой, на которой стояла артиллерия противника, и уже контролируемым им населенным пунктом Похарес. Вторая цель – сама гора Похарес, уже в достаточной степени укрепленная противником.⁸⁷ В ответ на отказ выполнить приказ Купер перешел на крик и пригрозил тут же расстрелять Петрова за трусость. *«В долине основной противник, а не на горных массивах»*. Кроме того, Купер еще больше расплыл батальон, приказав отправить одну роту на поиски XI бригады.⁸⁸

В отчете майора Петрова и в официальном отчете танковой бригады о боях за Хараму⁸⁹ указывается, что Петров приказ выполнил и отправил одну роту на поиски XI бригады, после чего провел две атаки. Сначала он атаковал отдельные разъезды в долине, а затем и мост Пиндоке. Несколько иную картину рисуют приложенная к отчету танковой бригады о боях на реке Хараме схема и отчеты отдельных участников боев.⁹⁰ Согласно им, майор Петров проигнорировал приказ искать XI бригаду. Проинструктировав предварительно танкистов о том, что при атаке придется встретиться с активным противодействием противника, он построил свои три роты тремя колоннами и на удалении метров 300 друг от друга повел в атаку. Первая рота наступала на захваченную врагом деревню (пуэбло) Похарес. Третья рота шла по шоссе вдоль холмов. Вторая рота шла между ними.

Артиллерийский огонь встретился уже после прохождения шоссе на Чинчон. Стреляли с юго-западного ската горы Похарес и из одноименного пуэбло с другой стороны. Видимо, атака танков была неожиданной, и потерь среди них не было. Более того, меткими выстрелами они заставили замолчать часть орудий. Эффективной деятельности танков способствовало то, что вторая рота, немного отставая от первой и третьей, хорошо видела, откуда велся огонь, и подавляла цели.

При подходе к переправе танки натолкнулись на подразделение кавалеристов и расстреляли его. *«Командир роты держит направление к реке. Мы же за ним, зажав противника, танки пулеметным и пушечным огнем уничтожали живую силу противника у переправы через реку. Смешались люди и кони. А по полю уже бегают кони без всадников»*.⁹¹ Но закрепиться на переправе танки без пехоты не могли и повернули назад. На обратном пути артиллерия противника, ожидавшая танкистов и пристреливавшая пути их отхода, открыла с холмов ураганный огонь. В результате были подбиты три танка (все три вытащены к своим), два танкиста убито и два ранено.

⁸⁶ Там же, л. 374.

⁸⁷ Аналогичная атака на гору Баин-Цаган, проведенная Г. К. Жуковым на Халхин-Голе силами 11 танковой бригады, привела к чрезвычайно большим потерям среди танков – а тут предлагалось атаковать гору силами практически полутора рот.

⁸⁸ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 711, л. 374.

⁸⁹ РГВА, ф. 31813, оп. 2, д. 711, л. 5. В отчете, естественно, факт столкновения максимально сглажен – но по содержанию приближен к отчету М. П. Петрова.

⁹⁰ Например РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 711, лл. 80–94; РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 711, л. 171 или РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 711, л. 173 и т. д.

⁹¹ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 711, л. 224.

Особенно тяжело пришлось роте, шедшей мимо холмов по шоссе: земля вдоль него раскисла от дождей, и машины могли двигаться только в ряд. Когда понадобилось быстрее доставить одного из раненых в госпиталь, танки под огнем были вынуждены остановиться и пропустить машину с истекающим кровью товарищем.⁹² В ходе боя израсходованы $\frac{3}{4}$ заправки горючего и У₃ боевого комплекта. Потери противника можно описать словами «много пехоты и кавалерии». По горячим следам танкисты записали себе в этот день уничтожение 2 эскадронов конницы, 2 пушек ПТО и 4 пулеметов. Майор Петров в своем отчете аккуратно указал «уничтожение отдельных кавалерийских разъездов».⁹³

Тем временем за ночь по двум мостам (железнодорожному и новому понтонному) реку продолжали переходить части франкистов. Они сразу укреплялись на горном кряже вдоль горы Похарес. Кроме того, в районе моста Сан-Мартин-де-ла-Вега мароканцы вновь смогли снять посты одним только холодным оружием – и без единого выстрела взяли мост под свой контроль.

После того, как об этом стало известно, майор Петров получил от Купера письменный приказ. Вместе с XII бригадой ему надлежало повторить вчерашнюю атаку на мост Пиндоке, одновременно поддерживая огнем наступление «батальона Домбровского» на гору Похарес. После этого танки должны были около пяти километров проехать вдоль берега по узкой прибрежной полосе до моста Сан-Мартин-де-ла-Вега. В этом маршруте танки оказывались под артиллерийским обстрелом уже не с двух, а с четырех сторон – но при удаче это позволило бы одним ударом прекратить всю высадку.

Не очень понятно, на что рассчитывало начальство, давая такой приказ. Либо оно совершенно не представляло силу наносившегося франкистами удара, по-прежнему считая его отвлекающим, либо оно имело совершенно мистическую веру в силу танков. Последнее мало вероятно. Бои в Мадриде наглядно продемонстрировали силу артиллерии ПТО в борьбе с танками, о чем каждый раз при получении очередного приказа предупреждал Купера майор Петров. Ночью 12 февраля он заявил, что до захвата горы Похарес длинный рейд, ведущий его танки в огневой мешок, невозможен.

В его рапорте нет данных, каким образом на этот раз Купер сумел его «уговорить». Утром танки снова пошли в атаку. 4 батареи артиллерии, которые должны были сопровождать танки, не появились. Пехота XII интербригады, сопровождавшая танки, попала под накрывший их артиллерийский огонь, и, не имея от него укрытия, повернула назад. Как написано в отчете Петрова «...с открытием артиллерийского огня по танкам, пехота оказалась на 300 метров сзади ранее занимаемого положения. То есть вместо движения вперед ушла на 300 метров назад».

⁹² РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 711, л. 226.

⁹³ РГВА, ф. 31811, оп. 2, д. 711, л. 374.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.